

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**СЕМНАДЦАТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
"ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В КИТАЕ"**

**Тезисы докладов
Часть II**

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**СЕМНАДЦАТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
"ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В КИТАЕ"**

**Тезисы докладов
Часть II**

**Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986**

Москва 1986

ОТВ. РЕДАКТОР И СОСТАВИТЕЛЬ А.Н.ХОХЛОВ

Редактор А.Н.ХОХЛОВ

Соредактор О.В.ЗОТОВ

Отв. за подготовку материалов

к печати Э.А.СИНЕЦКАЯ

В подготовке материалов к печати принимали участие А.Д.Воскресенский, Л.В.Забровская, В.С.Кузес, Э.А.Синецкая, Г.С.Ураева

Отдел Китая Института востоковедения АН СССР публикует тезисы докладов, представленные в Оргкомитет конференции, в сокращенном виде.

© Институт востоковедения АН СССР, 1986

Л.С.ВАСИЛЬЕВ

ИБ АН СССР

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ШАО-ЧЖЭН МАО?

Хорошо известно, что эпизод с шао-чжэном *) Мао, которого будто бы приказал убить Конфуций, когда он будто бы занимал пост министра наказаний в царстве Лу, вошел в китайскую историографическую традицию много позже того времени, когда жил Конфуций, т.е. не ранее 3 в. до н.э. Тем не менее этот эпизод, как, впрочем, и немало других легенд, возникших со временем вокруг имени великого древнекитайского мудреца, жившего в 551-479 гг. до н.э., многими считается достоверным. В период сравнительно недавней кампании критики Конфуция и Линь Бяо в КНР его не раз приводили с целью дискредитации Конфуция. Казалось бы, уже одно это должно было побудить специалистов отнестись к упомянутому эпизоду критически, тем более, что для этого есть немало оснований. Между тем в китаеведении есть работы, в которых эпизод с шао-чжэном Мао подан без тени критики, без серьезного разбора тех сомнений, которые существуют на сей счет.¹ Это обивает с толку некоторых исследователей, особенно из числа молодых китаеведов, которые считают этот эпизод вполне доказанным. Именно это в первую очередь побуждает нас вникнуть в дело шао-чжэна Мао основательнее.

Сначала обратимся к Конфуцию. Его справедливо считают великим моралистом и гуманистом, причем все, что доподлинно известно о нем (а это в первую очередь составленный его учениками трактат "Луньши"), отвергает представление о том, что он был человеком, способным хладнокровно казнить другого за неверные речи и дурное поведение: "Цзи Кан-цзы спросил Конфуция о /принципах/ управления: "Как вы смотрите на то, чтобы во имя Дао убивать лишенных Дао?" Конфуций ответил: "Зачем, управляя, убивать? Если вы бу-

*) По мнению одних китайских авторов - толкователей древнекитайских текстов, шао-чжэн означает имя, по мнению других - конкретную должность. В этом последнем значении и употребляется этот термин в данном сообщении.

А.В.ФИЛИПОВ

ЛГУ

"ЗАВЕЩАНИЕ ИЭЯСУ" И "КОДЕКС ИЗ СТА СТАТЕЙ":
СЛЕДЫ НЕОКОНФУЦИАНСКОГО ВЛИЯНИЯ

Официальную идеологию периода Токугава (1603–1868), оказавшую значительное влияние на складывание идеологии современной Японии, обычно склонны называть идеологией неоконфуцианской. Цель данного сообщения – выявить элементы неоконфуцианства в двух важнейших документах этого периода: "Завещании Иэясу" и "Кодексе из ста статей"¹. Первый из них появился в 1616 г. и по сути дела представлял собой наказ основателя династии своим потомкам по широкому кругу вопросов; второй, изданный в 1742 г., являлся крупнейшим сводом законов в тогдашней Японии. Оба документа сохранили свою законодательную силу вплоть до свержения сёгуната в Японии в 1867–68 гг.

Начало правления дома Токугава характеризовалось превращением Японии в сильное централизованное государство, поэтому основатель последней династии сёгунов Токугава Иэясу (правл. 1603–1615), стремился прежде всего к достижению стабильности и социального порядка в стране, чему должна была способствовать и идеологическая система. Делая все возможное для того, чтобы четко зафиксировать социальную структуру общества, он стремился опереться на соответствующие этой цели идеи неоконфуцианства (чжусианства).

Практически все официальные идейно-политические, философские и моральные нормы периода Токугава слагались, в основном, из трех главных компонентов, трех основных философско-религиозных течений: конфуцианства, буддизма и синто², которое в некоторых редакциях текста "Завещания" фигурирует как дао, что лишний раз подтверждает существование более прочной, чем предполагается сейчас, связи между синто и дао в начале ХУП в. Токугава Иэясу особо подчеркивал невозможность принимать чужие идеи без разбора – нужно отбирать необходимое стране, и кроме того, помнить и "о своих собственных корнях"³. Хотя сёгунат действительно ориентировался на чжусианство, идеология периода Токугава – всего

лишь система, преимущественно созданная на этой основе. Это не чжусианство в чистом виде, а чжусианство (или неоконфуцианство) Токугава.

Наиболее важные положения неоконфуцианства нашли отражение и в "Завещании Иэясу", и в "Кодексе из ста статей". Это прежде всего вопросы о месте правителя в государстве, четком понимании своего общественного положения и своих обязанностей представителями каждого сословия, о семье как первичной ячейке государства и т.п.

Китайская космогоническая теория инь-ян – учение о дуальности мира и его явлений – в ряде мест "Завещания" фиксируется в первоначальном виде. В некоторых же статьях "Кодекса" явно чувствуется влияние высказываний Конфуция: "если ветер дует – трава склоняется"; "...назначение силы – подчинять не сражаясь. Выступление на сражение уже делает выступающего недостойным названия сильного"⁴; сёгун обязан "знать середину между слабостью и строгостью и держаться этой середины"⁵. Но чаще всего комплекс инь-ян в Японии воспринимался не как единство и взаимопроникновение противоположных сил, не как их взаимодействие, а как абсолютное противостояние, исключая возможность перехода инь в ян и наоборот. Первым, кто еще в 604 г. определил отношения государя и подданного как навеки застывшие, был Сётоку-тайси⁶: "верх есть верх, низ есть низ, и им не поменяться местами"⁷. Иначе говоря, высшая власть в лице императорской династии не подлежала смене, а ее действия – обсуждению. У правителя Японии в принципе не могло быть слабого дэ – силы, которая, собственно, и делала его государем и благодаря которой власть его была гуманна и справедлива. Совершенно мудрых и несовершенно мудрых правителей-императоров в Японии не могло быть, власть императора была сакральна. Теория же "небесного мандата" вполне допускала смену сёгунатов, смену реальных политических властителей, зависимость которых от императора всячески подчеркивалась в "Завещании"⁸.

Первой фиксацией сословных отношений накануне периода Токугава явился указ Тоётоми Хидэёси 1591 г. "О закреплении /социальных/ различий" (身分之定例 мибун-но тэйрэй). Здесь уместно напомнить, что сам Тоётоми Хидэёси – один из трех "великих объединителей Японии" и фактический правитель ее на

протяжении ряда лет – был выходцем из крестьян, и тем не менее выступал за недопущение перехода из одного сословия в другое. Указ 1591 г. положил начало созданию сословного законодательства, вообравшего в себя практически все сборники законов для различных слоев японского общества первой половины ХУП в. В него вошли 5 кодексов для высших сословий (1615–1665), а также ряд указов и постановлений, касающихся крестьян. Эти законы строго регламентировали жизнь различных слоев общества, закрепляя обязанности и навек установленные для их деятельности социальные рамки. Если ориентиром для конфуцианства всегда служил "золотой век" прошлого и максимально возможная консервация существующего – то все эти сборники законов наряду с "Завещанием Иэясу" явились как бы законодательно установленным эталоном "золотого века" с учетом прежде всего реалий японского общества этого времени и взглядов Токугава Иэясу. "Завещание" явилось логическим завершением процесса абсолютизации отношений верх–низ, что наиболее рельефно проявилось в установлении такой меры наказания, как смертная казнь на месте за нарушение почтительности к вышестоящему⁹.

Однако вне этой системы кодексов оказалась почти вся деятельность городских слоев: ремесленников и торговцев. Согласно официально принятому в период Токугава делению общества на сословия – си-но-ко-сё 士 農 工 商 (военные – земледельцы – ремесленники – торговцы) первые два сословия в полном соответствии с конфуцианскими нормами занимали наиболее важные места. Токугава Иэясу прямо исходил из посылки Конфуция: "Содержимый народом, управляет им". И далее развивал эту мысль применительно к Японии: "Военные управляют земледельцами, а земледельцы содержат военных. Поэтому эти две категории (сословия – А.Ф.) стоят выше других"¹⁰. Горожане (町人 тэнин), в состав которых входили ремесленники и торговцы, в соответствии с теми же установками не могли играть сколь-нибудь важной роли в жизни общества. Однако сколь ни жестка была иерархия сословий, "Кодекс", появившийся в середине ХУШ в., уже касался проблем регулирования товарно-денежных отношений, что явно свидетельствовало об усилении влияния купеческого сословия и горожан вообще¹¹.

Хотя труд земледельца формально пользовался уважением, непосредственный производитель материальных благ фактически располагал ничтожным минимумом прав. С содержанием законов могли ознакомиться лишь сёгун и высшие сановники. До сведения низших сословий, как правило, доводилось лишь краткое содержание того, что запрещалось. Этот порядок вещей достаточно ясно определен в "Луньши": "Народ необходимо заставлять идти должным путем, но не следует объяснять почему".

Если обратиться к вопросу о семье, то и в "Завещании" и в "Кодексе" она трактуется как ячейка, образующая все связи в обществе. Максимализм токугавского неоконфуцианства "Завещания" проявляется в том, что в нем совершенно по-разному оцениваются отношения в семье военных (военного сословия) и представителей низших сословий. В том, что "Завещание" для военного сословия устанавливало казнь на месте за измену супругу, нельзя не видеть заинтересованность высших властей в сохранении прав собственности и наследования в высшем сословии¹². Подобного, однако, нельзя сказать в отношении простого народа. Что бы ни говорилось о семье как основе общества, главное оставалось главным – оградить от посягательства собственность правящих сословий.

"Кодекс" рассматривал этот вопрос практически в такой же плоскости, но в нем уже были смягчены сословные акценты. Это позволяет говорить о том, что видным представителям купечества в это время уже удалось заставить правительство в какой-то мере защищать и их права, что несомненно свидетельствовало об усилении влияния городских слоев.

Неоконфуцианство Токугава всегда и прежде всего защищало интересы правящего класса, а присущий ему максимализм и чрезмерная жесткость установленных им рамок имела последствия как положительного, так и отрицательного свойства. Как бы то ни было, но именно эта система помогла продержаться сёгунам Токугава у власти более двух с половиной столетий, а насущная потребность в коренном пересмотре официальной идеологии возникла лишь с необходимостью свержения сёгуната.

При обращении к сочинениям, имеющим связь с конфуцианством, мы всегда сталкиваемся с тем, что они акцентируют внимание прежде всего на морали. Но если обратиться к явлению базисного характера – отношениям собственности, то исследуемые документы так-

же очевидно свидетельствуют и о том, что основным видом собственности и мериллом ценности в этот период была земля. Законодательными актами предусматриваются всевозможные меры обеспечения "справедливого наследования" в семьях военных, а также различные варианты разрешения земельных конфликтов. За скрытую продажу земли полагались суровые наказания, переход к новому владельцу заложенных земель всячески оттягивался¹³. Правам наследования у крестьян ни "Кодекса", ни тем более "Завещания" внимания не уделяли.

Как свидетельствуют изученные материалы, в "Завещания Иэясу" и "Кодексе из ста статей" довольно явственно отразились характерные особенности восприятия китайских традиционных учений в Японии периода позднего феодализма.

Примечания

- 1) Ссылки на "Завещание Иэясу" даются по единственной его публикации на русском языке: Костылев В.Я. Очерк истории Японии. СПб, 1888, с.334-350; ссылки на "Кодекс из ста статей" даны по Хагино Ёриэки. Нихон кодай котэн (Свод старого законодательства Японии). Токио, 1892, с.831-984.
- 2) Ст.47 "Завещания".
- 3) Ст.72 "Завещания".
- 4) Ст.56 "Завещания".
- 5) Ст.55 "Завещания".
- 6) Перевод "Конституции Сётоку", см. Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984, с.22-51.
- 7) Григорьева Т.П. Мудрецы и правители. - "Народы Азии и Африки", 1983, № 5, с.56.
- 8) Ст.17-20, 84 "Завещания".
- 9) Ст.45 "Завещания".
- 10) Ст.12 "Завещания".
- 11) Ст.16, 33-35, 39 "Кодекса".
- 12) Ст.40 "Завещания".
- 13) Ст.3, 28 "Завещания"; ст.95 "Кодекса"; ст.30-32, 37 "Кодекса".

О ВЛИЯНИИ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОПОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ЯПОНИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ МЭЙДЗИ

На протяжении длительного периода своего исторического развития японское общество испытывало заметное воздействие общественно-политической мысли Китая. В разное время это влияние было различным по мере усвоения и переработки отдельных положений философской и политической мысли, различных учений об обществе и государстве, что было обусловлено различиями в общественном развитии Китая и Японии. Конкретные проблемы, вставшие перед государственными деятелями Японии, нередко побуждали их обращаться к китайской классической философии в поисках средств для решения насущных задач.

Большого внимания в этом плане заслуживает общественная мысль Японии конца XVII - первой половины XIX вв., когда в стране намечился кризис феодальных порядков, связанный с вызреванием нового способа производства - капиталистического.

С начала XVII в., после утверждения власти сегуната Токугава, господствующей идеологической системой в Японии становится сунское конфуцианство, впитавшее в себя идеи буддизма, даосизма и других философских школ. Оно более чем какое-либо другое учение было приспособлено к выполнению роли официальной идеологии уже по той причине, что не вступало в острое противоречие со сложившимися в Японии стереотипами общественной мысли.

Господствующее положение сунского конфуцианства обусловило многие особенности последующего развития общественно-политической мысли в Японии. Характерная черта в развитии японской идеологии заключалась в том, что идеологическая борьба в японском обществе, формирование оппозиционных идей и их эволюция во многом шли в рамках конфуцианской традиции. По мере нарастания кризиса феодального общества рамки эти все более расширялись. Это происходило как за счет обращения к различным вариантам классического конфуцианства и других течений китайской философской мысли, так и за счет японизации сунского конфуцианства.

	Оглавление	Стр.		
	Часть 2			
1.	Васильев Л.С. Существовал ли шао-чжэн Мао?	3	21.	Алданбекова Н.А. Министр Н.А. Джунгарское ханство в период правления Ламы Доржи (1750-1757 гг.)
2.	Кучера С. К проблеме генезиса древнекитайского города	11	22.	Хафизова Н.Ш. Изучение народов Средней Азии в период империи Циньцинь против цинского режима в 20 в. гг. XIX в.
3.	Зотов О.В. Суньцзы и Клаузевиц: парадоксы различия	17	23.	Воробьев М.М. Китайское уголовное право и его рецепция в преддверии Японии (до УИ в. см.)
4.	Цзо Чжэнгуань О происхождении названий некоторых китайских музыкальных инструментов	25	24.	Филиппов А.И. "Помощники Циню" и "Кодона из отцовской": олоды Иннокентиевского влияния
5.	Суханов Ф.М. Роль буддизма в истории духовной культуры уйгуров Восточного Туркестана (IX-XVI вв.)	28	25.	Совинов Н.П. О влиянии традиционной китайской идеологии на формирование оппозиционных настроений в Японии накануне революции Мэйдзи
6.	Виноградова Т.И. Китайская народная картина - няньхуа: проблемы систематизации и периодизации	30	26.	Науменкова Н.П. Трактовки китайского костюма в живописи французского рококо
7.	Смолин Г.Я. "Записи" Ван Мэнья о крестьянской войне 874-901 гг. в Китае	35	27.	Бродский Р.М. О возникновении и раннем этапе развития американо-китайских торговых связей
8.	Ивлиев А.Д. О производстве фарфоровой и поливной посуды в киданьской империи (916-1125 гг.)	38	28.	Врадий С.Ю. Новые публикации КНР об известном китайском патриоте Линь Цзэсюе
9.	Дугаров Р.Н. Сведения о камадогах в тибетском сочинении "Дэбтэрчжамцо"	41	29.	Загорский А.В. О влиянии импорта капиталистических стран на текстильную промышленность Китая и Японии в XIX в.
10.	Болоухоева Н.Д. Китайские переводы в составе тибетского буддийского канона	43	30.	Кузес В.С. Чжэн Гуаньин: компрадор и политик
11.	Исиев Д.А. Китайские источники о домосламокой религии уйгуров Восточного Туркестана	47	31.	Забровская Л.В. Японо-китайская война 1894-1895 гг. глазами итальянского миссионера
12.	Махмутходжаев М.Х. Китайские переводы Корана и их творцы	52	32.	Свиридов А.А. Религиозная ситуация в провинции Фуцзянь (конец XIX - начало XX в.)
13.	Решетов А.М. Народность эйну в Китае: проблемы истории и языковой ситуации	56	33.	Коряков В.П. Действия Франции в Китае в период подавления движения ихэтуаней (июнь 1900 - сентябрь 1901 гг.)
14.	Бейшеналиев Т.О. Киргизы в Китае: некоторые вопросы этногенеза и этнической культуры	60	34.	Молчанюк П.М. Китайская буржуазия и национально-освободительное движение в Индонезии (1900-1942 гг.)
15.	Ткачев В.Н. Морфология "китайской крыши"	64	35.	Кисельников А.К. Торговля России с цинским Китаем через города Восточного Казахстана (50-70 гг. XIX в.)
16.	Кадырбаев А.Ш. Китайские источники эпохи Юань о государственности у кочевников средневекового Казахстана (XII-начало XIII в.)	70	36.	Гончаренко С.П. Об особенностях формирования китайской общины в Малайи
17.	Успенский В.Д. Монгольская историография XIV-XV вв. о китайской династии Мин (1368-1644 гг.)	75	37.	Романова Г.П. Политика дармов в Китае конце XIX - начале XX вв. и ее интерпретаторы
18.	Поршнева Е.Б. Из истории секты "Хуньянцзяо"	78	38.	Павлушин М.А. О трудах Н.П. Лисицкого по истории Маньчжурии
19.	Свистунова Н.П. Соляная монополия при династии Мин (1368-1644 гг.): система управления	86		
20.	Воскресенский А. К характеристике "Да Цин личао шилу" как источника по истории международных отношений в Центральной Азии (XVII в.)	92		

39. Кузнецов В.С. Империя Цин и мусульманский мир (60-70-е годы XIX в.)	193
40. Хаматова А.А. О классификации морфем современными китайскими лингвистами	199
41. Хождов А.Н. Кяхтинское училище китайского языка и его роль в подготовке китаистов	204

Часть II

Подписано к печати 09.01.86. А-03006
Объем 14 п.л. Тираж 295 экз. Зак.12

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Офсетное производство типографии № 3
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1